

Оздоева Эсет Герихановна

ИЗУЧЕНИЕ ОНОМАСТИКИ В ИНГУШСКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье рассматриваются основные этапы и принципы изучения ономастики в ингушском языке, а именно, антропонимии и топонимии. Обращается внимание на то, что многие исследователи ономастического фонда ингушского языка в результате своих исследований приходят к единому мнению, что наличие у многих народов Северного Кавказа большого количества одинаковых ономастических единиц позволяет говорить об их едином антропонимическом фонде. В ходе исследования выявляются топонимические наименования, представляющие интерес с точки зрения лингвоэкологии. Приводится фактический материал, при изучении которого выявляются основные характеристики ономастических единиц: место образования, семантика и структура. По структуре выявляются простые, сложные и составные единицы, выраженные различными частями речи.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/3-1/43.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 3(57): в 2-х ч. Ч. 1. С. 154-156. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81373.2.

В данной статье рассматриваются основные этапы и принципы изучения ономастики в ингушском языке, а именно, антропонимии и топонимии. Обращается внимание на то, что многие исследователи ономастического фонда ингушского языка в результате своих исследований приходят к единому мнению, что наличие у многих народов Северного Кавказа большого количества одинаковых ономастических единиц позволяет говорить об их едином антропонимическом фонде. В ходе исследования выявляются топонимические наименования, представляющие интерес с точки зрения лингвоэкологии. Приводится фактический материал, при изучении которого выявляются основные характеристики ономастических единиц: место образования, семантика и структура. По структуре выявляются простые, сложные и составные единицы, выраженные различными частями речи.

Ключевые слова и фразы: ингушская ономастика; антропонимика; топонимика; лингвоэкология; лингвокультурология; этнолингвистика; психоллингвистика; простые, составные и сложные ономастические единицы.

Оздоева Эсет Герихановна, к. филол. н.
Ингушский государственный университет
oeset@mail.ru

ИЗУЧЕНИЕ ОНОМАСТИКИ В ИНГУШСКОМ ЯЗЫКЕ

«Ономастика (от греч. *Onomastikos* – относящийся к имени). Раздел лексикологии, посвященный изучению собственных имен» [7, с. 221].

Антропонимика и топонимика – это достояние народа, собранное им на всем пути своего исторического развития. В наименованиях отражается прошлое и настоящее народа, его традиции и верования.

Ономастика Ингушетии уникальна по своей содержательности. По этой причине многие ученые затрагивают в своих трудах вопросы ингушской ономастики. В своей монографии «Основные вопросы лексикологии ингушского языка» А. С. Куркиев, известный ингушский лингвист, отвел ингушской ономастике значительное место. В качестве примеров привел очень много фактического материала, развил тему образования ономастических терминов. Ученый затрагивает основные вопросы ингушской ономастики, в частности, этнонимии, теонимии, фиктонимии, антропонимии и топонимии. Полевой материал автором поделен на две части: исконную лексику (собственно ингушскую) и заимствованную. Изучив личные ингушские имена, автор пришел к выводу, что «Исконные личные имена в ингушском языке представлены в меньшем числе. Заимствованные личные имена составляют основную массу всех ингушских антропонимов. Наличие у многих народов Северного Кавказа большого количества одинаковых личных имен, а также близость материальной и духовной культуры, общность исторических судеб позволяет говорить об их едином антропонимическом фонде» [4, с. 191-192].

Вопросам теонимии посвящены работы: Б. К. Далгата [1], Е. И. Крупнова «Средневековая Ингушетия», где опубликована уникальная карта средневековых памятников на территории Ингушетии 12-17 вв. [3, с. 33]. Здесь указаны наименования многочисленных горных селений этого края, представляющие в этом плане большой интерес [Там же], Л. П. Семенова [8, с. 66].

Р. Л. Харадзе и А. И. Робакидзе тоже посвящают свою работу «К вопросу о нахской этнонимике», опубликованную в 1968 г. в Кавказском этнографическом сборнике данной теме. В частности, здесь рассматривается этноним «гIаIгIа» / ингуш. Р. Л. Харадзе и А. И. Робакидзе подводят итог своей исследовательской деятельности в данном очерке словами: «Несмотря на значительные вкрапления этнически инородных элементов, она представляла собой исторически сложившуюся этническую общность, которая прошла длительный путь развития на местной почве и создала свои высокоразвитые формы культуры и быта» [10, с. 40].

В плане исследования теонимов, интерес представляет работа Е. М. Шиллинга «Культ Тушоли у ингушей», опубликованная в 1935 г. Автор обращает наше внимание на то, что древние ингушские теонимы, как правило двойные. Где первая часть обозначает объект олицетворения, а вторая – женщину, мать. Например, *Дарза – нанилг* / «Мать вьюги», *Хи – нанилг* / «Мать воды» [11, с. 99-111] и др.

Неоценимый вклад в изучение топонимии ингушей внес один из первых просветителей Ингушетии З. К. Мальсагов. В 1925 г. вышла в свет его «Ингушская грамматика» – первая грамматика в истории ингушей, которая была переиздана в 1963 г. В разделе «Названия сел, национальностей и тейпов» автор приводит данные, которые уникальны с точки зрения лингвоэкологии, так как здесь многие термины даются в первоизданном виде, на чистом ингушском языке, без каких-либо искажений в плане фонетики. И нужно отметить, что некоторые наименования аулов сохранились только здесь, на бумаге, так как аулы эти уже стерты с лица земли благодаря природе и человеческому фактору. Это такие аулы, хутора как: «БугIажуртIе» / хутор близ аула Ангушт, «ЦIесте» / хутор близ аула Ангушт, «ОагутIе» / аул в Цоринском обществе, «Кхоаг» / аул Хамхинском обществе, «Диве» / народ, живший по преданию, в теперешней горной Ингушетии, в Хамхинском обществе [5, с. 142-150].

Лексика, в том числе и ономастика – это ценнейший источник, который дает информацию о материальной культуре любого народа и истории языка и потому считается важным и актуальным всестороннее изучение ингушской ономастики и составление словаря ингушской ономастики.

В общем языкознании ономастика рассматривается в трех направлениях: этнолингвистическом, лингвокультурологическом и психоллингвистическом. Этнолингвистический подход – это изучение языка сквозь призму человеческого сознания. «Этнолингвистика – комплексная дисциплина, изучающая с помощью лингвистических методов план содержания культуры, народной психологии и мифологии независимо от способов их представления (слово, предмет, обряд и т.п.)» [2, с. 469]. Наиболее яркий представитель этнолингвистического подхода – Э. Сепир [9, с. 185-194].

Лингвокультурологическое направление – изучение способов, которыми язык воплощает в своих единицах, хранит и транслирует культуру.

Психоллингвистическое направление изучает связи между содержательной стороной языка, общественным мышлением и жизнью говорящего.

Анализируя ономастические единицы в ингушском языке, мы выделяем их основные характеристики: место образования единицы – сознание; специфика единицы – отражение ценностных представлений в сознании, таких как национальная самобытность и духовная жизнь; определение семантики единицы; обладание устойчивой структурой; наличие у единиц разных средств репрезентации, например, аббревиатур и ономавариантов: Магамед – Мага // Мади.

Структурно-семантическое изучение ономастики выявило, что по структуре это простые, сложные и составные единицы.

Простые ономаксемы по своему строению в основном состоят из различных частей речи: 1) существительные в единственном числе: *Алхасте*, где «Алхаст» (собственное имя) + суффикс, обозначающий место «-е» – сельское поселение Алхасты, бывшая станица Фельдмаршальская; *Бархане*, где «Бархан» (собственное имя) + суффикс, обозначающий место «-е» – аул рода Бархановых в Хамхинском обществе; 2) существительные во мн. числе: *Вловнашка*, где «Вловнаш» (боевые башни) + окончание местного падежа «ке» – аул рода Оздоевых в Цоринском обществе; *Хьамашке*, где «Хьамаш» (не поддается этимологии) + суффикс, обозначающий место «ке»; 3) по этимологии, существительные с послелогом, которые впоследствии, из-за частого употребления перешли в разряд сложных слов: *БурокIалхе*, где «Буро» (Крепость) + послелог места «кIалх» + суффикс места «-е» – плоскостное сельское поселение Барсуки; *ЦхаралIе*, где «Цхарал» (вероятнее всего – сеть) + послелог места «тIе» (на) – аул рода Оздоевых в Цоринском обществе; *ДухьиргиштIе*, где «Духьиргиш» (ткацкий станок) + послелог места «тIе» (на) – аул рода Куштовых в Мецхальском обществе; *ЙоархIаче*, где «ЙоархI» (бурьян) + окончание родит. падежа «а» + послелог места «че//чу» / в//внутри – хутор близ аула Ангушт.

Сложные ономаксемы, образованные путем соединения двух корней; в ингушском языке этот способ считается «основным способом образования сложных слов» [6, с. 4562]: *Акхабосе*, где «акха» (дикий) + «босе» (склон) – хутор Акхабос близ Ангушта; *Аьгекхал*, где «Аьги» (Эгиевы – ингушский род) + «кхал» (селение); *Бартабосе*, где «барта» (согласие) + «босе» (склон) – хутор близ аула Ангушт; *Кхаь-кхаьле*, где «кхаь» (три) + «кхаьле» (селения) – место в ингушских горах в Хамхинском обществе, где расположены три села Таргим (Таргим), Хамхи и Агикал (Аьгекхал); *ГIолашпхье*, где «ГIолаш» (не этимологизируется) + «пхье» (поселение) – аул рода Тумгоевых в Хамхинском обществе; *Хьаранпхье*, где «Хьара» (на мельнице) + «пхье» (поселение) – аул рода Матиевых в Мецхальском обществе.

Составные ономаксемы, образованные путем сочетания двух или трех простых лексем, например, *ЭгIа Даби юрт*, где «ЭгIа» / нижний + «Даби» (собственное имя в родит. падеже) + «юрт» / село – плоскостной аул Нижние Ачалуки, названное в честь первого поселенца; *Экажа кьонгий юрт*, где «Экажа» (собственное имя в родит. падеже) + «кьонгий» / сыновей + «юрт» / село – плоскостной аул Экажево, названное в честь первого поселенца; по тому же принципу образованы следующие села: *Гадаборша кьонгий юрт* – аул рода Гадаборшевых в Хамхинском обществе; *Янда кьонгий юрт* – село рода Яндиевых на плоскости; *Муса кьонгий юрт* – аул рода Евлоевых в Цоринском обществе; *Пхьиле кьонгий юрт* – село Плиево на плоскости и др.

Итак, изучение ономастики (топонимов) привело к выявлению слов, которые частично или полностью вышли из активного словарного запаса ингушского языка: *кхале* // *кхаьле* / селение, *кьухь* / долина, *духьаргиш* / ткацкий станок, *пхье* / поселение. Также мы приходим к выводу, что человеческое сознание фиксирует, сохраняет и отражает в себе исторические, социальные и культурные факты развития общества, а затем применяет их в наименованиях топонимов и антропонимов, в связи с чем считается важным всестороннее изучение ономастики ингушского языка.

Список литературы

1. Далгат Б. К. Первобытная религия чеченцев и ингушей. М.: Наука, 2004. 240 с.
2. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Изд-е 5-е. Назрань: Изд-во ООО «Пилигрим», 2010. 485 с.
3. Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. Изд-е 2-е. Магас: Сердало, 2008. 256 с.
4. Куркиев А. С. Основные вопросы лексикологии ингушского языка. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1979. 254 с.
5. Мальсагов З. К. Грамматика ингушского языка. Изд-е 2-е. Грозный, 1963. 158 с.
6. Оздоева Э. Г., Алиева П. М. Способы образования сложных слов в ингушском языке // Фундаментальные исследования: научный журнал. 2015. № 2. Ч. 20. С. 4560-4563.
7. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Справочник лингвистических терминов: пособие для учителей. М.: Просвещение, 1972. 495 с.
8. Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925-1932 годах. Грозный, 1963. 139 с.

9. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / пер. с англ.; ред. и вступ. ст. А. Е. Кибрика. 2-е изд-е. М.: Издательская группа «Прогресс», 2001. 655 с. (Сер. Филологи мира).
10. Харадзе Р. Л., Робакидзе А. И. К вопросу о нахской этнонимике // Кавказский этнографический сборник. Тбилиси: Мецниереба, 1968. Т. 2. Очерки этнографии горной ингушетии. С. 12-40.
11. Шиллинг Е. М. Культ Тушולי у ингушей // Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения. Орджоникидзе – Грозный, 1935. Т. 4. Вып. 2. С. 98-115.

THE STUDY OF ONOMASTICS IN THE INGUSH LANGUAGE

Ozdoeva Eset Gerikhanovna, Ph. D. in Philology
Ingush State University
oeset@mail.ru

The article examines the main stages and principles of the study of onomastics in the Ingush language, and in particular, anthroponymy and toponymy. Attention is paid to the fact that many researchers of the onomastic fund of the Ingush language as a result of their studies come to a unified opinion, that the presence of a large number of identical onomalexes among the peoples of the North Caucasus allows saying about their single anthroponymic fund. Toponymic nominations, presenting an interest from the viewpoint of linguo-ecology, are displayed in the process of the research. While studying the factual material the main characteristics of onomastic units were discovered: the place of formation, semantics and structure. According to structure simple, complex and compound units, expressed by various parts of speech, are revealed.

Key words and phrases: the Ingush onomastics; anthroponymy; toponymy; linguo-ecology; linguo-culturology; ethno-linguistics; psycho-linguistics; simple, compound and complex onomalexes.

УДК 398.22(091)(=512.157)

В статье впервые поставлена проблема «многослойных» рукописей дореволюционных текстов якутского эпоса олонхо. Рассматриваются некоторые вопросы методики текстологического описания «многослойных» рукописей на примере текста олонхо К. Г. Оросина «Нюргун Боотур Стремительный». В результате выявлены такие основные критерии, как описание внешних особенностей рукописи (состояние листов; наличие приписок, отметок и пагинаций), описание внутренних особенностей рукописи (наличие поправок; характеристика почерка и изучение цвета чернил, наличие данных о владельцах рукописи).

Ключевые слова и фразы: якутский эпос олонхо; дореволюционные тексты олонхо; «многослойные» рукописи; методика текстологического описания; автограф; список; редакция.

Оросина Надежда Анатольевна

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук
onadya88@mail.ru*

«МНОГОСЛОЙНЫЕ» РУКОПИСИ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ТЕКСТОВ ЯКУТСКОГО ЭПОСА ОЛОНХО: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ РУКОПИСИ ОЛОНХО «НЮРГУН БООТУР СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ» К. Г. ОРОСИНА)

*Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 14-04-00381
«Рукописи самозаписей олонхо: опыт научного описания и исследования».*

В текстологическом исследовании рукописей немаловажное значение имеет история текста произведения. Это не раз отмечали лингвисты, литературоведы и текстологи. Одним из первых, кто подчеркнул необходимость внимательно изучать историю текста, был Б. В. Томашевский. В своем труде «Писатель и книга» в главе «История текста и история литературы» он отмечал, что история текста восстанавливает творческий процесс, вскрывает элементы движения в тексте, изучает произведение как становящееся [8, с. 144-153]. Его мнения также придерживался Д. С. Лихачев. Текстолог утверждал, что «текст не существует сам по себе, его история есть история его создания и изменения людьми» [2, с. 49]; «история текста дает объективные основания для интерпретации содержания и формы произведения, <...> позволяет заглянуть в глубину не только художественных произведений, но и различного рода документов» [Там же, с. 8]. Таким образом, при изучении текста вскрывается не одно статическое явление, а литературный процесс его выработки и становления в целом.

Научных работ, посвященных методике текстологического исследования рукописей, исключительно мало. Одной из них является диссертационное исследование Н. Л. Гориной «Методика текстологического исследования рукописей (на материале славяно-русских списков Евангелия XI-XV вв.)» (1994), в котором были применены методы лингвистической статистики и кластерного анализа, а также метод лингвотекстологического анализа, включающий в себя археографическое описание источников [1].

Если в обычной текстологической традиции у каждой рукописи, как правило, имеется один автор (автограф), а затем идут варианты, сделанные не автором, т.е. переписчиком (списки) и редактором (редакция), то в нашем случае картина иная: в одной рукописи помимо автора отмечены еще участия консультанта и редактора, поэтому следовало ее назвать «многослойной». Об этом явлении Д. С. Лихачев писал следующим образом: «Автографы